

Маршалл Маклюэн о социуме и его истории: Более полувека спустя

© Е.А. Юсипов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Исследована концепция канадского философа и медиатеоретика Маршалла Маклюэна в свете современных представлений об обществе, цивилизации и истории. Выделены основные методологические принципы анализа Маклюэном общества и его истории, продемонстрированы некоторые уязвимые места этой концепции и несбывшиеся прогнозы и в то же время отмечены отдельные поразительно точные предсказания и сценарии развития исторического сознания. Исследован вопрос межпоколенческих отношений и влияния на них средств массовых коммуникаций. Описаны три типа культуры: устная, письменная и электронная. Сделан вывод об особенностях восприятия истории людьми — носителями культуры различных типов.

Ключевые слова: общество, история, методология, средства массовой коммуникации, Маршалл Маклюэн, историческое сознание, межпоколенческие отношения, типы культур

Введение. Канадский философ и медиатеоретик Маршалл Маклюэн (1911–1980) считался в ученой среде маргиналом и чудаком, затем его имя на Западе стало культовым (до 1990-х годов его концепция считалась антимарксистской, развал российского общественно-знания произошел позже). Его основные труды были переведены на русский язык с огромным опозданием, только в 2000-е годы, и, несмотря на некоторые посвященные им научные исследования, так и остались в российской социальной философии и культурологии малоиспользованными.

А между тем Маклюэну, заставшему лишь зарождение Интернета, более 50 лет назад удалось сформулировать ряд остроактуальных сегодня проблем и спрогнозировать ситуации, с которыми современное человечество только недавно столкнулось лицом к лицу. Так, он убедительно показал, что в новой эпохе, эпохе электронных средств массовой коммуникации (СМК), существовать — значит быть в медиа [1]. А кто владеет медиа, тот владеет миром, поскольку может сделать существующее несуществующим. Не короли и президенты, а именно IT-гиганты и владельцы нескольких виртуальных платформ забанили президента США Трампа вместе с его сотрудниками и политическими сторонниками (в том числе введя цензуру «политкорректности» для простых пользователей по всему миру) и отказали в обслуживании крупным корпорациям и даже целым странам, после чего, по предварительной оценке, десятки тысяч американских гражд-

дан подверглись социальной дискриминации и еще, по-видимому, миллионы людей в других странах мира (автор статьи не имеет доступа к точной статистике) лишились работы, привычного образа жизни, сетевого общения, своих видео- и фотоальбомов. Вот эти несколько медиагигантов и могут о себе сказать с полным основанием: «Мы тут власть». Такой масштаб репрессий не снился цензорам старого типа, для которых критический отзыв о человеке или действиях группы людей в прессе нередко означал устранение их на время или навсегда из публичной жизни (но только единичных публичных персон и только в одной стране).

Не менее остро стоит сегодня проблема отношений между поколениями. Старшее поколение, люди, чье мышление сформировано печатной культурой и привычкой пользоваться механическими устройствами, даже в тех случаях, когда они не являются завзятыми книгоочехами и механиками, обвиняет младшее поколение в неспособности и нежелании читать книги и обучать старшее поколение пользоваться новыми СМК. Отметим, что освоение последних представляет собой сложную проблему для людей книжной культуры, привыкших действовать последовательно и по алгоритму, однолинейно, в то время как операционные системы современных гаджетов не ориентированы на возрастных пользователей. Молодежь раздражают неумение и нежелание старшего поколения понять, что новым людям неинтересны книги потому, что теперь их сознание устроено иначе, а не из-за того, что они ленивы и нелюбопытны (хотя бывает и так), и неспособность пожилых вести с устройством диалог, который представители нового поколения ведут почти автоматически (в самом деле, попробуйте объяснить, как вы дышите или ходите: в объяснениях такого рода трудно преуспеть). Маклюэн указывал, что, будучи воспитанными в одном типе культуры, люди находятся как бы под гипнозом и нечувствительны к принципам другой культуры, отсюда — непонимание, насмешки или безнадежное ретроградство или эйджизм в отношениях между людьми разных типов культур. Данные препятствия, впрочем, могут и должны быть преодолены. Наиболее удачные условия для этого складываются как раз в межуточном периоде, при смене типов культур.

Можно приводить и иные примеры актуальности теории Маклюэна, но ограничимся указанием на перечисленные. Предметом настоящей статьи являются предложенная канадским философом концепция социума и его истории, а также исследование методологических принципов этой концепции в свете современных представлений.

На протяжении всего Нового времени интерпретация понятия «общество» и исторического сознания играла очень важную роль как несущая конструкция всей парадигмы сознания эпохи модерна, но

теперь постоянными стали жалобы на непонимание общества и полное незнание истории младшими поколениями, т. е. эта конструкция расшатана и перестает быть несущей, а на ее место заступает какая-то иная. Автор настоящей статьи в своих исследованиях концепции Маклюэна основывается на двух книгах канадского философа: «Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего» (1962) и «Понимание медиа: внешние расширения человека» (1964).

Методологические принципы подхода к обществу и анализу истории в концепции Маклюэна. Обе книги намеренно построены мозаичным образом, поэтому излагать их содержание линейно и последовательно довольно трудно. Для начала целесообразно выделить те методологические установки, с которыми Маклюэн подходит к анализируемым реалиям.

Как и большинство историков эпохи Нового времени и вопреки своей же заявленной установке на охват симультанных потоков развития, при которых одинаковые причины могут вести к совершенно разным следствиям (а последний методологический принцип излагается в финале «Галактики Гутенберга»), Маклюэн тем не менее остается на позициях *монофакторности*. Для одних авторов ведущим фактором развития общества является материальное производство, для других — политика, разум или географические условия и т. д. У Маклюэна, для которого культура тождественна цивилизации в виде медиа, это технологии СМК.

У знаменитого ключевого высказывания философа *the medium is the message* нет хорошего перевода на русский язык (помимо того, в нем намеренно, как любит Маклюэн, заключен каламбур, столь раздражающий людей печатной культуры, поскольку всякий каламбур или розыгрыш нарушает линейность и однородность; тут игра слов, которые по-английски звучат одинаково: *massage* и *message* — *массаж* и *сообщение*). Чаще всего данное высказывание переводится как «*средство коммуникации есть сообщение*». Это значит, что дело не в «содержании», которое несет то или иное СМК, — потому что его «содержанием» всегда является другое СМК, как содержание письма — речь, содержание печати — письменное слово, содержание телеграфа — печать [2, с. 10]. Дело в том, как СМК меняет мир и сознание людей: «Ибо “сообщением” любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела. Железная дорога не привнесла в человеческое общество ни движения, ни транспорта, ни колеса, ни дороги, но она ускорила прежние человеческие функции и укрупнила их масштабы, создав совершенно новые типы городов и новые виды труда и досуга» [2, с. 10]. Действительно, там, где основными путями передвижения были реки, города выстраивались вдоль них, с разви-

тием железных дорог города перемещаются и располагаются теперь прежде всего вдоль железнодорожных путей и т. д.

В таком подходе, по сути, сформулирован принцип: знать вещи — это знать их последствия. Но при этом отождествление истории социума с историей медиа приводит к неизбежным перехлестам в оценках. Так, Маклюэн считает: «холодному» по своей природе телевидению противопоказаны «горячие» новости и «горячие» люди¹. Это означает, что те, кто имел успех на радио, на телевидении его теряет. И если во время правления Гитлера появилось телевидение, его успех, утверждает Маклюэн, сошел бы на нет, а если оно возникло до пришествия Гитлера к власти, фюрера вообще бы не было [2, с. 340–341].

Как Маклюэн определяет *источник развития общества*? У К. Маркса, например, это возвышение потребностей при самовозрастании производительных сил, у П.А. Сорокина собственно движителя нет, а есть циклы, когда друг друга сменяют идеациональная культура, идеалистическая (переходный тип) и чувственная. У Маклюэна в самом общем смысле источником развития культуры, понимаемой в качестве развития цивилизации (цивилизации как технического «тела» культуры, развития СМК), и общества в целом является *избыток*, а не недостаток (последнее признается таковым в теориях потребностей как движущей силы истории).

Эта идея появится снова только в 1980-е годы у некоторых французских историков. Так, посуда формируется не потому, что стало много или мало еды, а потому, что власть развилась до такой степени — вот тут и есть тот самый «избыток», — что родилась необходимость в знаках дифференциации власти и простолюдинов, использующих для еды выдолбленные тыквы. Иными словами, технология рождает спрос, а не наоборот: «Ни у кого не возникает потребности в автомобиле, пока автомобилей нет» [2, с. 80]. При этом ни с какой бинарностью категорий как релевантным способом объяснения истории (например, у Маркса это базис / надстройка, производительные силы / производственные отношения) канадский философ согласиться не может. Впрочем, и само отождествление истории общества и истории медиа, конечно, сомнительно, хотя обладает высокой эвристи-

¹ «Горячие» СМК расширяют одно чувство (слух, зрение и пр.), им свойственна высокая определенность и небольшая вовлеченность аудитории; это радио, кино, фотография. «Холодные» медиа расширяют несколько чувств, имеют низкую определенность (незавершенность) и обладают способностью глубоко вовлечь свою аудиторию; это телефон, телевидение, комикс. Всемирная паутина, которой Маклюэн не застал, является очень холодным СМК, поскольку расширяет многие чувства, ей свойственны низкая определенность и мощная вовлеченность аудитории.

ческой ценностью. Однако в таком же свете можно было бы рассмотреть, например, и социальное воздействие массовых заболеваний, в особенности эпидемий.

По некоторым подсчетам, чума XIV–XIX вв. выкосила в Европе до 60 % населения. Эти события сопровождали природные катаклизмы, катастрофического масштаба вспышки оспы и проказы, социальные бедствия в виде затяжных войн, огромного количества беженцев и нищих, упадка санитарного состояния городов. Экономика, культура и даже генетика европейцев понесли страшный урон. Но при этом стоимость рабочей силы, поскольку она очень уменьшилась в количестве, стала значительно выше, социальная забота о ней — тоже, крепостное право закончило свое существование.

Однако чума положила начало и законодательству о труде: в Англии было запрещено взвинчивать цены и размер заработной платы, и в этом отношении данное законодательство и его изменение способствовали развитию социалистических идей. Нехватка рабочей силы восполнялась развитием технологий: изобретена прялка, стали широко использоваться ветряные и водяные мельницы. В Европе основываются университеты, причем часто среди причин их появления называлась необходимость борьбы с последствиями эпидемии чумы. Власть стала понимать значение карантина и иных санитарно-гигиенических мер в жизни городов и вводить соответствующие законы. Развивались медицина и службы здравоохранения.

Наряду с этим, например, обострились антисемитские настроения в Европе: евреев объявляли отравителями колодцев и разносчиками заболеваний, а одним из аргументов было то, что среди еврейского населения заболевших было меньше. На самом деле это могло объясняться обычно строгим соблюдением гигиенических мер среди евреев, хотя ортодоксальные иудеи жили очень скученно, что также способствовало распространению инфекций. Пандемия COVID-19, нанеся мощнейший удар по всем государствам мира, в том числе по их экономике, политике, культуре, образованию, здравоохранению, еще ждет своих исследователей.

В своей цивилизационной теории истории Маклюэн учитывает то важнейшее обстоятельство, что *одно и то же СМК в разных культурах действует по-разному*, и в самом общем виде это справедливо. Однако философ разделяет всю историю на три основных периода, или типа: устная культура (аудиальная, племенная, «культура уха»), печатная (книжная, визуальная, «культура глаза») и электрическая (электронная). Поэтому различие эффекта разных СМК сводится к степени «устности» или «книжности» наличной культуры при вторжении в нее новых СМК.

Но ведь этого мало. Хотелось бы объяснений, почему при самых разных социально-экономических и политических укладах, напри-

мер, японцы остаются японцами, а не становятся, допустим, англичанами. Так, Маклюэн упорно называет русскую культуру «устной» (и это в 1960-е годы, в то время как уже культура Российской империи считается многими исследователями логоцентрической, в которой доминирует письменное слово) и на данном весьма шатком основании делает выводы о принципиальной разнице воздействия прессы, радио и телевидения в США (где, как он полагает, доминирует печатная культура) и СССР.

Конечно, тут следовало бы разобраться, что имел в виду канадский теоретик: то ли тот или иной процент грамотных (читающих) среди населения, то ли доминирующие в культуре определенного социума жанры, аудиотактильные или вербально-визуальные, однако никаких своих исходных оснований философ не излагает, он просто обозначает восточные культуры, включая русскую и (вдруг) венгерскую, как преимущественно «устные».

Зачем нужно социальное знание? К этому вопросу у Маклюэна прагматический подход, связанный с *социальной инженерией*: чтобы разумным образом управлять обществом. Зная воздействия СМК, в одно общество можно «добавить» радио, в другом прекратить на две недели радиовещание, в третьем нельзя вводить ту или иную технологию вообще во избежание деструкции и бунта, хаоса и анархии.

У Маклюэна *отсутствует любой намек на фатализм*, при котором «нельзя перескакивать через ступени», потому что каждый общественный уклад должен вызреть и перезреть, чтобы смениться следующим, и каждое общество должно пройти все обозначенные ступени — подобный подход был характерен, например, для Маркса, который при этом держал в голове как паттерн идею биологического организма с его «зачатками», «развитием», «зрелостью» и «загниванием». Явственные *биологизаторские коннотации* есть и у Маклюэна: все СМК он считает продолжениями (расширениями) руки, ноги, уха, глаза или всей центральной нервной системы. Он настойчиво повторяет, что электрическая эпоха имеет органический характер в противоположность эпохе механической. Даже само разделение СМК на «холодные» и «горячие» связано у теоретика с тактильностью². Все социальные организации стремятся к гомеостазу, полагает Маклюэн [2, с. 112], а между тем, если уж использовать биологические аналогии, наряду с гомеостазом как поддержанием статус-кво в природе существует и гомеорез — поддержание изменений. Тем не менее философа нельзя упрекнуть в редукционизме: он признает *надорганическую природу СМК*, поскольку они функционируют не по био-

²Здесь также имеет место игра слов: *touch* означает и *осязание*, и *контакт* (to be in touch).

логическим законам; философ различает искусственное и естественное. Однако определенный наведенный *схематизм* в концепции философа присутствует: это идея племенной культуры, которая после периода «отрицания» печатной культурой вновь возрождается в электронную эру как «отрицание отрицания» (теоретик не использует эти гегелевские обозначения, но по существу ими оперирует), хотя Маклюэн оговаривается, что тут нет простого повторения, поскольку электронная культура — это племенная культура, уже прошедшая через опыт культуры книжной: «постписьменное состояние есть совершенно иная форма взаимозависимости, чем дописьменное» [3, с. 36].

Философ, как это характерно для мейнстрима эпохи модерна, продолжает верить в *прогресс*, хотя и нелинейный. При этом он стремится описывать то, что *есть*, а не то, что *должно быть*, и в этом смысле он следует *аристотелевской традиции* описывать сущее, а не валюативному сократическому подходу, провозглашающему должное. Однако и в этом он не вполне последователен.

Маклюэн ставит не философскую задачу — символическое овладение миром, а *прикладную* (что было мечтой марксистов — изменить мир), веруя в гуманизм и справедливость будущего управления миром, поскольку в глобальной деревне, где всё и все связаны теснейшим образом, уровень ответственности таков, что защита своих и общих интересов становится одной и той же задачей, так как они совпадают. Конечно, это оказалось утопией. Философ подчиняет эссенциалистский подход (что такое книгопечатание? что такое радио?) технологическому (как используется книгопечатание? как воздействует радио?).

Получается, что именно *технологии принудят мир к мирному и гармоничному сосуществованию*, а вовсе не морализм и пропаганда высоких нравственных ценностей. В электронную эпоху, «когда наша центральная нервная система, технологически расширившись вовне, вовлекает нас в жизнь всего человечества и вживляет в нас весь человеческий род, мы вынуждены глубоко участвовать в последствиях каждого своего действия. Нет более возможности принимать отчужденную и диссоциированную роль письменного человека Запада» [2, с. 6]. В настоящее время этого не случилось, хотя в объяснении воздействия СМК Маклюэну удается тщательно и вполне успешно избегать ссылок на мораль. Более того, он не раз заявлял о том, что печалиться по поводу появления новых медиа и их пагубного влияния на человечество — означает почти ничего в них не понимать.

Напрасно культурные реакционеры сокрушаются о том, что раньше, в литературную эпоху, путешествия были знакомством с неизведанным, а теперь, в эпоху фотографии, они стали банальны до оскомины, со всеми достопримечательностями можно ознакомиться

до и вне их посещения, так что путешествия стали почти равны походу в кино: билет, минимум личных вещей — и весь мир у ваших ног, но этот мир уже не приносит ощущения новизны, потому что все было увидено до перемещения в пространстве, отобедать можно в Нью-Йорке, а несварение настигнет уже в Париже, поэтому путешественники остаются в своем привычном футляре-коконе, а туристы на отдыхе нередко ограничиваются маршрутом гостиница — пляж — гостиница.

Это так, но Маклюэн вообще не сентиментален, он не очень жалуется «книжную» культуру с ее принципиальной повторяемостью и в этом смысле банальностью, как и не превозносит любое новое медиа, он стремится соблюдать научную объективность, хотя сам, будто дразня читателя, говорит о том, что в эпоху электронных медиа невозможно оставаться беспристрастным и невовлеченным, что было обязательным требованием к ученому старой книжной культуры. Философ настаивает на том, что следует видеть свежие возможности, открываемые новыми медиа, освобождаться от оцепенения и гипноза старых СМК, т. е. жить с открытыми глазами. Так, на смену одному времени в эпоху фотографии приходит множественность времен (за один астрономический час можно побывать и в древнем мире, и в начале XX в.), а фото- и видеоселфи сегодня действительно используются для самоидентификации (как раньше использовали надписи вроде «тут был Вася»).

Философ трактует *общество как целостную систему* и признает существование *законов* его развития. Существует историко-генетическая связь явлений, связь различных СМК («не будь гравюр, ксилографий и клише, никогда не появилась бы и фотография» [2, с. 214]), есть общее и в воздействии новых технологий на социум, и все это он утверждает вопреки мнениям иных философов, отрицающих существование исторических законов и полагающих, что все события в истории уникальны. При этом Маклюэн подчеркивает относительную уникальность «ответа» конкретного социума на вызов новой технологии: например, Китаю в электронную эпоху предстоит большее будущее, убежден медиатеоретик, и как раз именно потому, что иероглифы — это не фонетический алфавит, книжная культура произвела в китайском социуме совершенно другие изменения, чем в европейском или североамериканском, а китайское сознание и бессознательное, возможно, гораздо релевантнее в отношении новых аудиотактильных медиа.

Медиатехнологии порождают социальную структуру, полагает Маклюэн. Так, рыцарское сословие было рождено стремением — только с его помощью лошадь стала выдерживать тяжеловооруженного всадника.

Топос, хронос, каузальность в общественном развитии также детерминируются медиатехнологиями, считает Маклюэн. У бес-

письменных народов нет непрерывного и единообразного пространства, потому нет и прямой перспективы, которая людям печатной культуры кажется врожденным качеством зрения. У них отсутствует линейное время, континуальное, унифицированное, делимое на единообразные отрезки; там видов времени столько, сколько видов жизни. А идея причинно-следственных отношений не связана с физическим последованием по времени, «человека уха» скорее занимают внутренние, магические, вечные статусы вещей.

Каждое существо имеет свое пространство и время, которые не могут вмещаться друг в друга, как матрешки. Только с наступлением эры книгопечатания рождаются ньютоновское унифицированное пространство и линейное, единое, необратимое время, развивается представление о каузальности как последования во времени: «Даже наша идея причины и следствия долгое время существовала на письменном Западе в форме расположения вещей в последовательности и ряды; эта идея шокирует любую племенную или слуховую культуру как совершенно смехотворная и уже утратила свое царственное место в нашей новой физике и биологии» [2, с. 98]. А сегодня ученые и вовсе мыслят каждую вещь как создающую собственное пространство и время. «Более того, теперь, когда мы живем в мгновенном мире электричества, пространство и время тотально взаимопроникают друг в друга в пространственно-временном мире» [2, с. 167].

В связи с этим в отношении к печатной культуре у Маклюэна встречается целый набор скептических высказываний, согласно которым Ньютон и Декарт создали «тщеславный и унылый мир, высмеянный Свифтом, Поупом и Стерном» [3, с. 174] и которые по тональности сравнимы для русскоязычного читателя с характеристикой А.Ф. Лосева, писавшего еще в 1930 г.: «Механика Ньютона построена на гипотезе однородного и бесконечного пространства. Мир не имеет границ, т. е. не имеет формы. Для меня это значит, что он — бесформен. Мир — абсолютно однородное пространство. Для меня это значит, что он — абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Неимоверной скукой веет от такого мира. Прибавьте к этому абсолютную темноту и нечеловеческий холод междупланетных пространств. Что это, как не черная дыра, даже не могила и даже не баня с пауками, потому что и то и другое все-таки интереснее и теплее и все-таки говорит о чем-то человеческом. Ясно, что это не вывод науки, а мифология, которую наука взяла как вероучение и догмат» [4, с. 45].

Маклюэн, говоря о специфичности деления пространства на «центр» и «периферию» в допечатную и печатную эпоху, указывает: «Ускорение в коммуникациях всегда позволяет центральной власти распространять свое влияние на более отдаленные окраины. Введение алфавита и папируса означало необходимость подготовки гораз-

до большего числа писцов администраторов. Однако вытекавшее отсюда расширение гомогенизации и единообразного обучения так не проявилось в сколь-нибудь значительной степени в древнем средневековом мире. Прочно объединенная и централизованная власть стала реально возможна лишь с механизацией письма в эпоху Возрождения» [2, с. 109].

Этот частный пример демонстрирует, что не всегда есть причинно-следственная связь между фонетическим алфавитом, его материальным носителем и централизованной властью, разрыв в тысячелетия вряд ли может быть принят за причинно-следственную связь; если применять авторский тезис, то это тот случай, когда одни и те же причины способны вызывать различные следствия. Однако современная физика показала, что ускорение и мгновенные скорости изменяют пространство и время и на новом уровне возвращают людей к интегральному сознанию.

Выводы. Поскольку представление об однородном и унифицированном, необратимом времени появляется только с развитием печатной культуры, постольку только тогда возникает *собственно история* в современном смысле этого слова. Древний человек мало интересовался изменениями, как пишет философ в «Галактике Гутенберга», но и сегодня они интересны только людям печатной культуры — там, где в ментальности есть понятия раньше / позже во времени, перед / за в пространстве, где реалии, соответствующие этим понятиям, видятся линейными.

Еще для древних греков описать вещь, знать ее — это описать, как она сделана, т. е. знать ее происхождение, истоки, этапы становления. Но только в эпоху модерна история видится линейно, однако за это берется дорогая плата: шизофреническое расщепление мысли и действия, «сердца и логики», которые у бесписьменных народов и занимающих промежуточное положение между аудиальной и визуальной культурой (Античность) были едины. В электронном мире, как утверждает в «Галактике Гутенберга», все происходит одновременно, и в этом смысле тут больше *нет никакой истории*.

Сегодня «знать» означает знать полезные следствия/эффекты. Если одно-событие-в-один-момент-времени — обычный нарратив истории, то какая может быть история, когда происходит много-событий-в-один-момент? Как ее сложить и рассказать? Таким образом, *для бесписьменных народов истории нет вообще, для народов, находящихся в переходном положении от аудиальной к визуально-печатной культуре, истории почти нет (аисторизм, мифология), для людей печатной культуры история — ценность очень высокого ранга, для человека электронной эпохи с мозаичным сознанием, пока, насколько можно судить, аудиально-визуального типа, истории опять нет (аисторизм) или она вымышлена (воображаемая история).*

Сформулированных в таком виде оснований у Маклюэна нет, но они легко определяются в свете сегодняшних реалий: взрывного вала литературы в жанре альтернативной истории, сплошь дворянских или даже прямо императорских генеалогий современных парвеню, вымышленных историй компаний, якобы восходящих чуть не к временам рыцарства, и даже полностью придуманной истории канадского городка Труа Пистоль якобы баскского происхождения [5, с. 1148–1150].

Так стоит ли удивляться, что «сегодня учителя часто сталкиваются с тем, что студенты, не способные прочесть даже страничку в учебнике истории, становятся экспертами в программировании и лингвистическом анализе?» — говорит Маклюэн. Нет, «проблема, следовательно, не в том, что Джонни не умеет читать, а в том, что в эпоху глубокого вовлечения Джонни не может визуализировать отдаленные цели» [2, с. 191]. И если история в эпоху печатной культуры выстраивается от линейного алфавитного письма, которое визуализирует невизуальное, то в период развития электронных медиа она визуальное делает невизуальным и превращается в симулякр — копию, у которой нет оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Яковлева А. *Сумерки искусства: рассвет или закат?* URL: <http://russculture.ru/2019/12/29/anna-jakovleva-sumerki-iskusstva/> (дата обращения 15.01.2021).
- [2] Маклюэн М. *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. Москва; Жуковский, КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003, 464 с.
- [3] Мак-Люэн М. *Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры*. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan%3Dgalaktika_gutenbergga.pdf (дата обращения 15.01.2021).
- [4] Лосев А.Ф. *Диалектика мифа*. Москва, Мысль, 2001, 558 с.
- [5] Кнабе Г.С. *Избранные труды: теория и история культуры*. Москва; Санкт-Петербург, Летний сад; РОССПЭН, 2006, 1200 с.

Статья поступила в редакцию 16.03.2021

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Юсипов Е.А. Маршалл Маклюэн о социуме и его истории: Более полувека спустя. *Гуманитарный вестник*, 2021, вып. 1.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-1-706>

Юсипов Евгений Ансарович — аспирант кафедры «Философия», начальник отдела информационного сопровождения публикационной деятельности Управления информационной и молодежной политики МГТУ им. Н.Э. Баумана.
e-mail: yusipovea@gmail.com

Marshall McLuhan on society and its history: More than half a century later

© E.A. Yusipov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The purpose of the study was to investigate the concept of a Canadian philosopher and media theorist Marshall McLuhan in the light of the current ideas about society, civilization, and history. The paper identifies the main methodological principles of McLuhan's analysis of society and its history, shows some flaws of this concept and unfulfilled forecasts, meanwhile highlighting some remarkably accurate predictions and scenarios of the development of historical consciousness. The issue of intergenerational relations and the way media influences them is examined. Three types of culture are described: oral, written and electronic. The paper concludes on the specifics of the perception of "history" by people from different types of cultures.

Keywords: *society, history, methodology, mass media, Marshall McLuhan, historical consciousness, intergenerational relations, types of cultures*

REFERENCES

- [1] Yakovleva A. *Sumerki iskusstva: rassvet ili zakat?* [The Twilight of Art: Dawn or Sunset?]. Available at: <http://russculture.ru/2019/12/29/anna-jakovleva-sumerki-iskusstva/> (accessed January 15, 2021).
- [2] McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. The MIT Press; reprint ed., 1994, 389 p. [In Russ.: McLuhan M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow, Zhukovsky, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole Publ., 2003, 464 p.].
- [3] McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division; reprint ed., 1962, 294 p. [In Russ.: McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoy kultury*. Available at: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan%3Dgalaktika_gutenberga.pdf (accessed January 15, 2021)].
- [4] Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow, Mysl Publ., 2001, 558 p.
- [5] Knabe G.S. *Izbrannye trudy: teoriya i istoriya kultury* [Selected works: theory and history of culture]. Moscow, St. Petersburg, Letniy sad, ROSSPEN Publ., 2006, 1200 p.

Yusipov E.A., post-graduate student, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University, Head of the Department of Information Support for Publication Activities in Information and Youth Policy, BMSTU. e-mail: yusipovea@gmail.com